

СИМУЛЯЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК РЕАКЦИЯ НА УСЛОЖНЕНИЕ ТРУДА

К.В. Кадочников

Аспирант направления «Онтология и теория познания»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Kadochikov@yandex.ru

Статья посвящена актуальной для позднекапиталистического общества проблеме превращения человеческой деятельности в симуляцию. Это социальное явление рассматривается с позиций марксизма и неомарксизма. Выдвигается гипотеза о связи симулякров и симуляций с усложнением современного труда. Предлагается определение симуляции как фиктивно-демонстрационной, вырожденной, квазипроизводительной формы деятельности, отражающей нарастающие противоречия между усложняющимися производительными силами и архаичными производственными отношениями. Также выдвигается и обосновывается тезис о симуляции деятельности как кризисном явлении — утрате человеком собственной сущности.

Ключевые слова: симулякр, симуляция, капитализм, всеобщий труд, сущность человека, неомарксизм

Сегодня в связи с обострением внутренних противоречий капитализма на позднем этапе его развития (в научной литературе встречаются разные термины для обозначения данной стадии: семиокапитализм [1], постиндустриальное общество [2], менеджериальный капитализм [3] и др.) мы можем наблюдать усиление тенденций превращения человеческой деятельности в фиктивно-демонстрационную симуляцию.

Симуляция деятельности становится одной из актуальных проблем современности. Американский социальный антрополог Д. Гребер приводит статистические данные, свидетельствующие о том, что рабочее время, используемое американскими офисными сотрудниками на выполнение основных обязанностей, сократилось с 46% до 39% [3, с. 54]. Большую часть их рабочего дня занимают: просмотр электронной почты, различные совещания и выполнение побочных задач, которые сотрудники открыто называют «идиотскими». Исследователь отмечает, что схожие тенденции можно

наблюдать и в иных отраслях деятельности: так преподаватели вузов «тратят все больше времени на заполнение административных бумаг», а медсестры жалуются, что работа с документацией и различные встречи занимают около 80% рабочего времени [3, с. 54].

Процессы симуляции деятельности можно описать как фиктивно-демонстрационную деятельность, где процесс превалирует над результатом, а операции с материальными предметами замещаются манипуляциями с идеальными знаками и образами. Подобные явления весьма подробно описаны в современных гуманитарных исследованиях: неклассической философии, социологии и социальной антропологии. Однако сущность и основания этого феномена, на наш взгляд, в достаточной мере не раскрыты.

Одним из первых к проблеме симулированной деятельности обратился французский мыслитель Ж. Бодрийяр во второй половине XX века. Именно он ввел в философский дискурс понятия «симулякр» (как «чистый» знак неотсылающий к какому-либо референту) и «симуляция». Современный мир, согласно Ж. Бодрийяру, – это «мир обмана, где вся культура усиленно трудится над своей подделкой» [4, с. 39], а форма превалирует над содержанием. Военная промышленность производит не только оружие, но и ложные цели – «обманки», фармацевтическая промышленность – не только лекарства, но и плацебо (препараты, не обладающие лечебными свойствами и имитирующие внешний вид лекарственных средств). В университетах «симулякр научной деятельности» обменивается на «симулякр диплома» [5, с. 205]. Даже камеры видеонаблюдения в супермаркетах не используются по прямому назначению («полное наблюдение за всеми точками потребовало бы более сложного и технически совершенного оборудования, чем сам магазин»), а лишь создают видимость контроля, «являются частью антуража симулякров» [5, с. 104].

Эти явления философ связывает с развитием материального производства, автоматизацией труда, и в конечном счете, с утратой значения данного производства в силу его избыточности. Нарастивая объемы выпуска абсолютно идентичных друг другу объектов-копий, заменяя все большую долю живого труда машинным и автоматизированным, промышленность выходит к пределам своего развития – «концу производства».

В результате категории классической политэкономии утрачивают свое содержание. На первый план выходят не утилитарные свойства товара (благодаря массовому производству недостатка в товарах нет, следовательно, они не являются ценностью сами по себе), а его символическое значение, способное выразить и продемонстрировать социальный статус владельца. Товар превращается в знак, бренд, а мир — в знаковую систему, в текст,

нуждающийся в перманентном декодировании: «социальные иерархии, статусные различия, кастовые и культурные привилегии, поддерживаемые знаками, подсчитываются в качестве прибыли, в качестве личного удовлетворения и ощущаются как потребности» [6, с. 197]

Труд же, перетекающий в расширяющуюся сферу услуг, больше не связан с непосредственным производством и становится символом, выражающим включенность человека в господствующий знаковый «код». «Предоставление услуги — это отдача своего тела, времени, пространства, серого вещества. Производится ли при этом что-нибудь или нет — не имеет значения» [7, с. 67]. Человек, как отмечает Ж. Бодрийяр, больше не трудится, а лишь «обозначает труд» [7, с. 69].

На наш взгляд, французский мыслитель адекватно описал актуальные общественные тенденции, однако с предлагаемыми им теоретическими объяснениями сложно согласиться. Особенно дискуссионным нам представляется тезис об утрате значения труда и материального производства в современном мире. Представляется, что Ж. Бодрийяр в своих текстах трактует труд упрощенно, рассматривает его исключительно как средство для создания материальных благ, общественного богатства. Однако труд не сводится только к этому моменту, а является сущностным свойством человека, его способом существования и саморазвития. В труде человек творит и преобразует не только окружающий мир, но и самого себя. Следовательно, труд может исчезнуть либо утратить свое значение только вместе с человечеством.

По нашему мнению, для более глубокого исследования симуляции как социального явления — установления ее сущностных свойств, предпосылок и оснований весьма продуктивным может оказаться обращение к гуманистическому марксизму и соответствующей ему материалистической методологии, так как эта социально-философская традиция уделяет особое внимание труду как сущностному, универсальному свойству человека. Люди, согласно К. Марксу, таковы, каким образом они производят свою жизнь и какое место занимают в системе общественного производства. Следовательно, мы можем определить сущность и основания симуляции деятельности путем анализа современной конкретно-исторической формы труда. Мы полагаем, что симуляция деятельности связана не с утратой значения материального производства, а с его качественным усложнением, наглядно проявившимся во второй половине XX века.

Конечно, сложный, интеллектуально насыщенный, но при этом материальный труд в различных исторических формах существовал на протяжении значительной части истории человечества. К. Маркс называл такой труд

«всеобщим» и определял его как «всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» [8, с. 116]. Всеобщий труд снимает в себе противоречие между материальной и духовной деятельностью, опирается на совокупный предшествующий опыт человечества, накопленный на том или ином этапе исторического развития, и следовательно, «производит человека как целостное, тождественное себе, человеческому роду и объективному миру социальное, материальное существо в единстве всех сторон и атрибутов его жизни» [9, с. 21].

Как мы уже отмечали, всеобщий труд имеет свои исторические формы. Так, К. Маркс в Экономических рукописях 1857–1859 годов писал о «всеобщем общественном знании», воплощенном в системе машин и превращенном в «непосредственную производительную силу» — «General intellect» [10, с. 128]. В капиталистической социально-экономической формации всеобщий труд создает и совершенствует средства производства, однако не является преобладающей формой труда. Основой капиталистического способа производства являются абстрактный («труд вообще») и частичный, узкоспециализированный труд. Первый представляет собой «расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле» [11, с. 55] и является источником стоимости. Второй заключается в исполнении сотрудником одних и тех же повторяющихся операций на отдельном этапе производства. Таким образом большинство индивидов в капиталистической формации подвержены «профессиональному кретинизму» — развиваются лишь частично, односторонне, превращаясь в «профессионально ограниченные «винтики» [12, с. 140]. Однако производительность и богатство общества в целом возрастают за счет усиления специализации деятельности его отдельных членов.

Во второй половине XX века, в связи с автоматизацией труда (отдельные, простые операции теперь выполняются машинами, а не людьми) в странах с наиболее развитыми капиталистическими отношениями возрастает доля сложного, наукоемкого труда. На этот процесс обратили внимание представители итальянского неомарксизма — «постопераизма»: Ф. Берарди и П. Вирно. Исследователи в своих текстах зафиксировали возникновение в 60-х годах нового социального явления — «массовой интеллектуальности»: сближения материального и интеллектуального труда и, как следствие, повышение требований к интеллектуальным и коммуникативным способностям сотрудников, занятых на современном производстве.

Для объяснения особенностей современного труда П. Вирно обращается к сформулированному К. Марксом термину «General intellect» и переинтерпретирует его. По мнению итальянского философа, «General intellect»

сегодня включает в себя не только (и не столько) специализированные научные знания, воплощенные в системе машин, но и самих людей, использующих в своей производственной деятельности общечеловеческие интеллектуальные и коммуникативные способности (язык, память, абстрактное мышление, способность к саморефлексии и т. д.).

Современный труд во многом является публичной деятельностью (подобно деятельности музыканта, актера, учителя или партийного организатора), где «болтовня» из избыточной, дополнительной человеческой деятельности трансформируется в значимую часть производственного процесса: «общий интеллект представляет единое целое с кооперацией, с коллективным действием живого труда, с коммуникативной компетенцией индивидов» [13, с. 75].

Одним из внешних проявлений процесса «интеллектуализации» труда, согласно Ф. Берарди, стали совместные протесты рабочих и студентов в США, Франции и Италии в 1968 – 1969 годах. Как отмечает философ, современные ему интеллектуалы «уже не класс, независимый от производства» и «не группа свободных индивидов, которые добровольно берут на себя реализацию чисто этического и намеренно познавательного выбора», а «массовый социальный субъект, который стремится стать составной частью общего процесса производства» [1, с. 32]. Таких наемных работников Ф. Берарди называет «когнитариатом», противопоставляя их традиционному промышленному пролетариату [1, с. 34]. Когнитивный труд не поддается измерению рабочим временем, так как «характеризуется неравномерностью трудозатрат в течение рабочего дня (с точки зрения объема выработанной стоимости) [1, с. 92]». Кроме того, границы между рабочим временем и досугом оказываются размытыми.

С развитием информационных технологий и Интернета когнитивный труд, согласно Ф. Берарди, становится массовым. Он становится все более унифицированным по форме, но специализированным по содержанию. «Адвокат и архитектор, работник IT и служащий супермаркета сидят у одинаковых мониторов и нажимают на одни и те же клавиши, но при этом ни один из них никогда не сможет занять место другого, ведь содержание их труда, направленного на выработку знаков, в каждом случае, совершенно иное, а один тип работы невозможно свести к другому» [1, с. 94]. Те не менее, на наш взгляд, не стоит ставить знак равенства между «когнитивным» и «всеобщим трудом». Субъект когнитивного труда в качестве пользователя персонального компьютера может выполнять одни и те же узкоспециализированные действия (и развиваться лишь односторонне) также как индустриальный частичный рабочий пару веков назад.

Всеобщий, по-настоящему творческий труд, направленный на создание принципиально новых объектов и сочетающий в себе сложные формы материальной и духовной деятельности (создание новых средств производства, высокотехнологичная медицина, прикладная наука), составляет значительную часть «когнитивного труда», но полностью с ним не совпадает. Доля всеобщего труда в современном производстве не столь значительна, чтобы говорить о принципиально новом типе общества, отличном от капиталистического, но, по нашему мнению, уже достаточна для проявления противоречий между формирующимися новыми производительными силами и сдерживающими их развитие актуальными производственными отношениями.

Нарастание противоречий между развитием всеобщего труда и неадекватными ему формами организации (как труда абстрактного и частичного) было предугадано еще К. Марксом: «С одной стороны, капитал вызывает к жизни все силы науки и природы, точно так же как и силы общественной комбинации и социального общения, — для того чтобы соиздание богатства сделать независимым (относительно) от затраченного на это соиздание рабочего времени. С другой стороны, капитал хочет эти созданные таким путем колоссальные общественные силы измерять рабочим временем и втиснуть их в пределы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости» [10, с. 128].

Современные исследователи фиксируют это противоречие уже как наличный факт. Так, теоретики постиндустриального общества Э. и Х. Тоффлеры отмечают, что на высокотехнологичных предприятиях продолжают использоваться «традиционные способы повышения производительности, применявшиеся на текстильных фабриках или конвейерах автозаводов в прошлом веке» [14, с. 73]. Сложный современный труд и его оценка сводятся к простым количественным показателям — числу ударов по клавиатуре компьютера или звонков в час, которые соответствуют столь же относительно простым формам организации человеческой деятельности.

О том же пишут П. Вирно: «Наука, информация, знание в целом, кооперация представляются опорой производства. Именно они, а не время труда. Однако это время продолжает иметь значение параметра развития и меры социального богатства. <...> Время труда это действующая, но уже не истинная единица времени» [13, с. 129]» и Ф. Берарди: ««На определенной стадии развития внедренного в производство умственного труда капиталистическая модель начинает функционировать как парадигматическая ловушка: интеллект и деятельность оказываются в плену у заработной платы, дисциплины и зависимости»» [1, с. 76]».

На наш взгляд, причины появления различных форм симуляции деятельности стоит искать именно в обостряющемся противоречии между усложняющимся трудом и уже не соответствующими ему формами организации. Автоматизация производства во второй половине XX века высвободила значительную часть рабочих из индустриального производства и стимулировала появление новых рабочих мест в сфере услуг, интеллектуального и всеобщего научного труда. Однако места в сфере услуг и интеллектуального труда в основном сохраняют частичный и узкоспециализированный характер. А представители всеобщего труда сталкиваются с тем, что не могут в полной мере реализовать свой потенциал, так как актуальная организация производства соответствует абстрактному, частичному, разделенному, специализированному труду и частнособственническим (опять же частичным) формам присвоения. К примеру, всеобщий труд опирается на совокупные знания человечества, а институт авторского права ограничивает их распространение и свободный обмен информацией.

Кроме того, в сохранении частичного и абстрактного труда как основы капитализма и источника стоимости заинтересованы собственники средств производства (предприниматели). В развитии же всеобщего труда они заинтересованы ограниченно. Так как, с одной стороны, продукты всеобщего труда сокращают общественно-необходимое рабочее время и увеличивают прибавочную стоимость, что соответствует интересам предпринимателя. С другой — всеобщий труд непосредственно не создает прибавочной стоимости и, более того, содержит в себе возможность для упразднения основ капиталистического способа производства — разделения труда и частной собственности. Соответственно, можно предположить, что собственники средств производства будут стремиться ограничить развитие всеобщего труда, искусственно разделяя его на отдельные, частичные операции.

Организация всеобщего труда как частичного и абстрактного, а также углубляющаяся специализация самого частичного труда (в наиболее гротескных формах «должностные обязанности» сотрудника могут сводиться к «профессиональному» заполнению конфетниц в офисе или сортировке электронной почты руководства [3, с. 62 – 66]) порождают вырожденные, квазипроизводительные формы симуляции труда (и человеческой деятельности в целом). Такая деятельность сохраняет внешние, формальные признаки труда, маскирующие отсутствие действительного содержания. Подобная деятельность является фиктивно-демонстрационной, она замкнута сама на себе и не имеет иной цели, кроме самопрезентации, не является производительной и/или общественно значимой. Абсолютным здесь является процесс, а не результат. Субъекты, симулирующие деятельность,

оказываются оторванными и от продуктивного частичного и от всеобщего труда, следовательно, они как люди утрачивают свою родовую сущность, заключающуюся в производстве окружающего мира и самих себя.

Пугающие следствия этого «расчеловечивания» убедительно продемонстрированы Д. Гребером на основе исследовательских интервью со множеством респондентов, занятых квазипроизводительной, «бредовой работой». Антрополог подчеркивает, что среди таких сотрудников чрезвычайно распространены утрата творческих способностей, потеря смысла жизни, депрессия и различные психосоматические расстройства. «Подобно тому как узник в одиночной камере начинает страдать от поражения мозга, рабочий, лишенный всякого ощущения цели, часто испытывает умственное и физическое истощение» [3, с. 167]. Не случайно такие рабочие места, согласно Д. Греберу, концентрируются в корпоративном и финансовом секторах, которые оторваны от непосредственного производства и занимаются отчуждением и перераспределением ресурсов. Разрастание этих секторов и превалирование их в экономике развитых стран стало возможным в результате уже упоминавшихся роста автоматизации и производительности промышленности, достигнутых за счет внедрения и совершенствования продуктов всеобщего труда во второй половине XX века. Полученная прибыль стимулировала инвестиции в спекулятивный финансовый рынок. Эти вложения были более «безопасными» для сохранения капитализма, чем финансирование дальнейшего развития всеобщего труда. А высвободившиеся индустриальные рабочие пополнили ряды так называемого «офисного планктона». В результате к началу XXI века продукты труда «когнитариата» и его производительная мощь оказались «экспропрированы меньшинством невежественных спекулянтов, которые хорошо себя проявляют только при обработке юридических и финансовых аспектов производственного процесса» [15].

Вслед за базисом меняется и политическая надстройка. Если экономика отрывается от своей сущности — материального производства, то политика также утрачивает свое сущностное свойство — управление. Здесь начинают превалировать внешние формальные стороны деятельности: политические партии теряют свою социальную базу и превращаются из представителей чьих-либо интересов в пустые «бренды», а выборы становятся специфическим реалити-шоу, где конкуренция политических программ уступает борьбе «имиджей».

В результате мы наблюдаем масштабный кризис представительной демократии, заключающийся в разделении публичной политики и непосредственного управления: «в ходе выборов больше не происходит скольконибудь существенная смена чиновников-экспертов, осуществляющих

рутинную работу по управлению в «коридорах власти» [16, с. 104]. Формируется альтернативная демократической — технократическая модель управления, где массы отчуждены от принятия политических решений, отданных на откуп неподконтрольным обществу «профессиональным управленцам».

Симуляцию деятельности, по нашему мнению, стоит рассматривать как кризисное явление, отражающее переходный характер современной эпохи и нарастающие противоречия между усложняющимися производительными силами и архаизирующимися производственными отношениями. А утрату человеком собственной сущности, творческих способностей — как одну из глобальных проблем современности, требующей особого внимания. Человечество столкнулось с пугающей перспективой превращения в «цивилизацию пустоты» [1, с. 208] и разрешение стоящих перед ним проблем, вероятно, связано с перспективами развития всеобщего труда и выстраивания адекватных ему производственных отношений.

Список литературы

1. *Берарди Ф.* Душа за работой: от отчуждения к автономии / пер. с ит. К. Чекалова. М.: Издательство Грюндриссе, 2019. — 320 с.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество / пер. с англ. под редакцией В.Л. Иноземцева (включен в реестр иноагентов Минюстом РФ). М.: Академия 1999. — 788 с.
3. *Гребер Д.* Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда / пер. с англ. А. Арамяна и К. Митрошенкова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. — 368 с.
4. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2016 — 224 с.
5. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2016. — 240 с.
6. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: РИПОЛ классик, 2020. — 352 с.
7. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Зенкина. М.: «Добросвет», «Издательство “КДУ”», 2015. — 392 с.
8. *Маркс К.* Капитал Т.3 // Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 25. Ч 1. — 545 с.
9. *Корякин В. В.* Современный мир и философия // Новые идеи в философии. 2013. Вып. 21. Т. 1. С. 11–30.
10. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф., Соч.: в 50 т. 2-е изд. М., 1968. Т. 46, ч. II. — 244 с.
11. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. I // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Москва: Политиздат. 1960 — 907 с.
12. *Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. К.: «Час-Крок», 2006 — 312 с.
13. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с ит. А. Петровой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. — 176 с.
14. *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь / пер. с англ. М. Султановой и Н.Циркун. М.: АСТ, 2008, — 570 с.
15. *Берарди Ф.* Что значит автономия сегодня? URL: https://antijob.net/class_war/id609/?__cf_chl_rt_tk=X0Z0jACYSUb4egwL5r7FxFxMyrPkxy_orgVxRNOjMYHgM-1717868711-0.0.1.1-3924
16. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. Спб.: Петербургское Востоковедение, 2002. — 224 с.

SIMULATION OF ACTIVITY AS A RESPONSE OF INCREASING COMPLEXITY OF LABOR

Konstantin K. Kadochnikov

Perm State University
15, Bukireva St., Perm, 614068, Russia

The article is devoted to the problem of human activity becoming a simulation of itself in late capitalist society. The social phenomenon is considered from the standpoint of Marxism and neo-Marxism. The author proposes a hypothesis on the connection between simulacra and simulations with the increasing complexity of modern labor. A direct relationship between the simulation of activity and the contradiction between actual productive forces and archaic relations of production is discovered. In addition, the author examines the simulation of activity as a sign of crisis and the loss of the human's own essence.

Keywords: simulacrum, simulation, capitalism, universal labor, the essence of man, neo-Marxism